

УДК 130.2

Рецепция русской революции: культурные вызовы российской цивилизации

Серегина Татьяна Николаевна

Кандидат философских наук,
доцент,

Финансовый университет при Правительстве РФ,
125993, Российская Федерация, Москва, Ленинградский просп., 51;
e-mail: Seregina.tatiana@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы, связанные с осмыслением феномена революции в обществе. Историко-философский анализ позволил выявить особенности и последствия революции как явления и влияние на развитие общества и его социальных слоев, а также на трансформацию ценностных оснований социума. Компаративистский анализ данной проблемы, основанный на результатах социологических опросов, показывает влияние революции начала XX века на развитие российского общества. Показано, что коренные изменения, произошедшие в начале века, изменили социальную, политическую и ценностную организацию, что доказывает актуальность изучения феномена русской революции. Современная социально-культурная ситуация является продолжением событий начала XX века, но историко-политическая ситуация такова, что намечаются процессы, для которых характерно индифферентное отношение к событиям и политическим деятелям того периода. Революция как событие и явление остается неисследованной, и неясно ее влияние на современность, как в культурно-ценностном, так и в социально-политическом плане. Революция — это, безусловно, наше прошлое, но прошлое не забытое и понятое, а открытое, которое надо изучить и с точки зрения фактологии, и с точки зрения моральной, и с позиций влияния на формирование современного человека в постсоветском мире.

Для цитирования в научных исследованиях

Серегина Т.Н. Рецепция русской революции: культурные вызовы российской цивилизации // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2017. Том 6. № 5А. С. 104-115.

Ключевые слова

Ценность, культура, революция, интеллигенция, общество, личность.

Введение

Русская революция – безусловно, важнейшее событие в истории России, изменившее не только политическое и экономическое устройство страны. Она повлияла на демографический состав, как носителей и акторов культуры, в результате мы получили явное снижение или потерю «высокой» культуры, деятели которой либо уехали из страны, либо были расстреляны, либо были вынуждены работать в сферах политически нейтральных. Культура стала массовой, произошло усреднение культуры как явления в целом, ее носителями постепенно становились выходцы из крестьянской среды.

Основная часть

Российское историческое общество выступило как инициатор празднования юбилея 100-летия Великой Октябрьской революции, на заседании президиума С. Нарышкин объявил, что мы «осмысливаем это событие, формулируем уроки», «не отмечаем, а вспоминаем». Выстраивание аналогий и параллелей для ученого не самый благодарный метод, хотя публицистически очень эффектный. Но аналогия с ситуацией начала века здесь очевидна. В начале XX века выходит сборник «Вехи», затем «Из глубины», состоялись в Петербурге Религиозно-философские собрания. Собрания, которые Д.С. Мережковским были задуманы как диалог между светской, религиозной интеллигенцией и чиновниками не состоялся. «Вехи», вызвавшие дискуссии внутри интеллигенции провозгласили ее закрытым сословием, как напишет Г.П. Федотов орденом. Бердяев даст определение: «Интеллигенция скорее напоминала монашеский орден или религиозную секту со своей особой моралью, очень нетерпимой, со своим обязательным мирозерцанием, со своими особыми правами и обычаями, и даже со своеобразным физическим обликом, по которому всегда можно было узнать интеллигента и отличить его от других социальных групп. Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов, сначала по преимуществу из более культурной части дворянства, позже из сыновей священников и диаконов, и из мелких чиновников, из мещан и, после освобождения, крестьян» [Бердяев, 1997, 257].

В сборнике «Из глубины» была попытка осмыслить причины и результаты революции, которая не всеми понималась как катастрофа: например, С.Н. Булгаков верил в будущее России и на примере диалога между разными слоями общества он показал, что в итоге все примирится и Россия возродится после революции. Но в целом все общественные деятели, мыслители говорили о «торжестве зверя» в русской революции (С.А. Аксельрод), злое начало, которое уже существовало в русской культуре и обществе и было показано в литературе у Гоголя и Достоевского (Н.А. Бердяев), А.С. Изгоев писал, что причина революции в невнимании к изучению человека и его духовности, П.Б. Струве считал, что революция родилась из-за не проведенной вовремя крестьянской и конституционной реформ [Устрялов, 1917]. Интеллигенция окончательно разорвала возможность диалога с народом и сделала реформаторские процессы совершенно неконтролируемыми со стороны населения. По сути слов Нарышкина нашей задачей являются сейчас воспоминания и «уроки», не надо делать выводов, принимать решения, на их основе программу действий и «раскачивать лодку», аналогичные призывы и в начале XX века. Такой призыв к успокоению, где между строк читается страх раскола в обществе, на деле превращается, как говорили в средневековье «в колебания воздуха». Научное обсуждение должно, прежде всего, заканчиваться программой действий, а не в воспоминания.

В советской историографии теме революции посвящено огромное количество исследований, при всей их идеологизированности, они представляют ценный источниковый материал для исследователя. К сожалению в последнее время тема революции обходится стороной как изученное событие и уже мало представляющее интерес. А вместе с тем, именно революция стала поворотным пунктом в культурной истории: наряду с негативными последствиями мы не должны забывать, что для культуры революция имела и положительное значение, так именно при советской власти образование стало обязательным и всеобщим, открылись музеи и они стали массовым явлением. Таким образом, изучение феномена русской революции как культурного явления, как явления, изменившего наши ценности и в целом восприятие мира, нельзя считать окончанным.

Скорее мы должны говорить о начале формирования нового этапа культурного развития и о преемственности современными россиянами советского опыта. Мы должны осознать, что современные граждане — это люди, или выросшие в советской России, или воспитанные и управляемые людьми, выросшими в Советском Союзе. Советское прошлое — это не перевернутая страница культуры, это в определенном смысле наша ценностная современность. Психологи говорят о «ценностном ядре» в структуре сознания человека, которое формируется в детстве и не меняется на протяжении всей его жизни, попытка изменить его приводит к серьезным психологическим расстройствам. Таким образом, изучение русской революции и явлений, которые она вызвала к жизни — это не «копание в гробах» или же предложение: «предоставь мертвым погребать своих мертвецов», а событие, позволяющее объяснить современного человека.

Феномен Октябрьской революции по данным опроса Левада -центр от 2-6 марта 2017 года среди городских и сельских респондентов в возрасте от 18 лет методом личного интервью дал следующие данные. Общая оценка революционных событий: «нам нужно двигаться вперед и не ворошить то, что происходило в 1917 году» — 34% или «нам нужно больше знать об этом периоде, чтобы не повторять ошибок прошлого» — 44%, «изучение прошлого не приносит вреда, но в нашей нынешней ситуации это не отвечает потребностям времени» — 20%.

Большинство опрошенных считает Октябрьскую революцию скорее положительным событием в истории нашей страны — 38%, отрицательным — 25%, динамика оценок показывает рост как положительной роли, так и отрицательной, крайне положительной или отрицательной считают русскую революцию 10% и 6% соответственно, и их число снижается.

Граждане нашей страны считают Октябрьскую революцию либо новой эрой в истории России (25%), либо толчком к социальному и экономическому развитию (36%), и их число растет на протяжении 1990-2017 гг.

При этом надо отметить, что 50% респондентов отвечают, что если бы не было революции, то Россия развивалась бы согласно национальным традициям, т.е. как закономерный, эволюционный и прогрессивный государственный феномен, который не предполагает жертв и катастроф. В то же время революцию как катастрофу оценивают только 6% населения и с 90-х годов, и как детерминанту, затормозившая развитие — 21%.

Самый главный вопрос, который напрямую касается темы моего исследования: нанесла ли октябрьская революция урон русской культуре? Согласно с этим утверждением в октябре 1990 — 69%, а в марте 2017 — 49%, не согласны — 17% в 1990 и 41% в 2017 годах. Но на фоне этих ответов становятся показательными цифры, которые отражают симпатии относительно личностей, символизирующих революцию. В 1990 году наиболее «симпатичными» в формулировке Левада-Центра были Ленин (67%), потом — Сталин (45%), Бухарин (21%), Троцкий (15%), а в 2017 году цифры «симпатий» совершенно изменились: Ленин, Сталин оцениваются одинаково — в среднем, 25%; далее идут Дзержинский, Николай II, по 16%; к слову,

фигуру Николая II положительно воспринимали в 1990 г. только 4%; Бухарин и Троцкий в этом рейтинге явные аутсайдеры – по 4% и 3%. Выросло число граждан, которые затруднились ответить, с 12% до 38%. Респонденты неверно называли причины революции, в силу неполных знаний о революции, те затруднения в ответах, оценивающих личность в истории можно истолковать как рост индифферентности к данной проблеме.

Интересным является тот факт, что большинство наших современников не приняли бы участие в Октябрьской революции, в то же время из оставшихся респондентов большинство поддержали бы большевиков или сотрудничали с ними, и только единицы боролись бы против большевиков или уехали за рубеж. Но самыми показательными цифрами опросов являются данные оценки возможности революции: «определенно да» только 7%, «скорее да» 21%, «скорее нет» 38%, «определенно нет» 21%. Все эти цифры создают гармоничную картину интереса граждан к истории, и по данным опроса 2016 года – 70%, против – 26% гордятся своей страной, откровенно стыдящихся своей страны только 5%. Предметом гордости современников стали: история, культура, природные ресурсы, спортивные достижения, армия и наука, а вот экономические успехи, образование, здравоохранение и сограждане оцениваются почти как нулевые.

Очевидным становится факт, что граждане гордятся прошлым страны или факторами, напрямую их повседневной жизни не касающимися, а вот факторы, отражающие насущные проблемы, они оценили крайне негативно. Поэтому очень важно переосмыслить не только фактические события русской революции, но и по-иному взглянуть на феномен революционной культуры и ее влияние на процессы в культуре.

Русские философы были первыми, кто описывал русскую революционную ситуацию по ее свежим следам и до сих пор их видение актуально; оно, конечно, эмоционально окрашено, но оценка революции вполне объективна. Политические истоки революции, конечно, надо искать в незавершенных реформах Александра II, экономические – в столыпинских начинаниях. Для темы моего исследования важно выявить истоки культурных изменений. Это, во-первых, ко всему выше перечисленному еще и влияние открытия Дарвина, как реакция на переоценку сущности человека как набора генов, приспособления к окружающему миру. Для русского мыслителя вести человека к случайному набору генов совершенно невозможно представить. Человек – творческое существо, богоподобное, духовное и имеющее высшие смыслы бытия, а не приспособляющееся к окружающей среде; а во-вторых, это была реакция на теорию К. Маркса (недаром многие из религиозных мыслителей прошли через увлечение его идеями). Он представил человека и его мир как мир производителя и производства, механизм, мир, в котором нет места живому, ценностному, изменчивому, сложному и необъяснимому. Мир после Маркса и Дарвина стал миром простым, если не примитивным, это мир жесткий и жестокий, тогда как для русских философов мир всегда был изменчивым, сложным, гибким, иерархичным. Оценка революции проводилась через призму этого культурного опыта, как протест против подобного понимания человека. Революция стала олицетворением победы таких позитивистских сил, в революции нет места культуре, только пролеткульту. «Именно у русских писателей с особенной остротой ставилась проблема об оправдании человеческого творчества и культуры и подвергалась сомнению оправданность культуры, как это было и в течениях русской социальной мысли. И это было связано со складом души, выработанным православием, души, в которой остался очень сильный аскетический элемент и искание спасения, ожидание иной высшей жизни» [Бердяев, 1997, 310]. Вторая проблема, которую предстояло решить, это сохранение государства, этот вопрос так и остался забытым русскими философами, как и многими представителями интеллигенции. Наконец, проблема этических норм жизни: возможно ли, применимо ли, правомерно ли насилие. Этот вопрос до их пор актуален, и это

страшит, это настоящая угроза культуре.

Как пишет В.В. Розанов в «Апокалипсисе нашего времени», написанном в 1918 году: в 3 дня раскололась Россия. Розанов, как вся интеллигенция, оказавшаяся в эмиграции, обвинял себя в том, что они допустили Октябрьскую революцию, они впустили «грядущего Хама». Об этой пассивности пишет в петербургских дневниках З. Гиппиус, все устранились от политики и революцию сделали другие.

Наиболее полно и внимательно изучал феномен русской революции и революционности Н.А. Бердяев, ей он посвятил большую работу «Истоки и смысл русского коммунизма». Процесс влияния революционности на общество, и в частности на народ и интеллигенцию, на их ценности, он отразил в сборнике «Вехи», вышедшем после революции 1905 года, и в сборнике «Из глубины», описавшем мироощущение русской философской интеллигенции после революции 1917 года. Он представил феномен русской революции, моральную трансформацию русского народа через анализ взглядов на Достоевского, Гоголя и Толстого. «Большевистская революция путем страшных насилий освободила народные силы, призвала их к исторической активности, в этом ее значение» [там же, 252]. «Русский коммунизм есть коммунизм восточный. Влияние Запада в течение двух столетий не овладело русским народом. Мы увидим, что русская интеллигенция совсем не была западной по своему типу, столько бы она ни клялась западными теориями» [там же, 253].

Философ отметил, что идея революции зародилась в литературе, которая не только ее предсказывала, но и призывала к ней. «Русские писатели XIX и XX века чувствовали себя над бездной, они не жили в устойчивом обществе, в крепкой устоявшейся цивилизации. Катастрофическое мироощущение стало характерным для наиболее замечательных и творческих людей. Крепкая, устойчивая, классическая культура с ее перегородками, дифференциацией разных областей, с ее нормами и с ее духом конечности, боязнь бесконечности, очень неблагоприятна для предчувствий и предвидений» [там же, 316]. В революции «Столкнулись Россия бытовая, унаследованная от прошлого, дворянская, купеческая, мещанская, которую поддерживала империя, и Россия интеллигенции, духовно революционная, устремленная в бесконечность, ищущая Града Грядущего. То столкновение расковало динамические силы, привело к взрывам. В то время как на Западе просвещение и культура создавали какой-то порядок, подчиненный нормам –

хотя и относительный, конечно, порядок, в России просвещение и культура низвергали нормы, уничтожали перегородки, вскрывали революционную динамику. Это отразилось и на вершинах русского творчества, у всех русских писателей» [там же, 317].

В русской революции изменялась национальная идея, рождалось новое понимание роли русского народа и его сущности: «Русская революция универсалистична по своим принципам, как и всякая большая революция, она совершалась под символикой интернационала, но она же и глубоко национальна и национализируется все более и более по своим результатам» [там же, 352]. Особая роль в формировании этой новой национальной идеи сыграла русская интеллигенция, которая не опознавала ответственности за свои деяния, за те идеи, в которые они верили. «Вся история русской интеллигенции подготовляла коммунизм. В коммунизм вошли знакомые черты: жажда социальной справедливости и равенства, признание классов трудящихся высшим человеческим типом, отвращение к капитализму и буржуазии, стремление к целостному мирозерцанию и целостному отношению к жизни, сектантская нетерпимость, подозрительное и враждебное отношение к культурной элите, исключительная посюсторонность, отрицание духа и духовных ценностей, придание материализму почти теологического характера. Все эти черты всегда были свойственны русской революционной и даже просто радикальной интеллигенции» [там же, 352].

Но самое ужасное, что повлияло на формирование новой идеологии, новой национальной идеи, это влияние войны. Интеллигенция не предполагала, что характер, эмоции, внесенный в бытие, в социальные коммуникации войной дадут столь ужасные плоды. В войну начал формироваться новый тип личности крестьянина, который станет главным актором, часто пассивным, ведомым, но с поразительной силой воли, актором революции и строительства нового государственного строя и новой культуры. Этот тип человека, рожденного из крестьянской культурной среды, не овладевшего культурой, не образованного и жившего только верой Бердяев описывает следующим образом: «Новые люди, пришедшие снизу были чужды традициям русской культуры, их отцы и деды были безграмотны, лишены всякой культуры и жили исключительно верой. Этим людям свойственно было *resentiment* по отношению к людям старой культуры, которое в момент торжества перешло в чувство мести» [там же, 353].

Русская интеллигенция, задумавшая и творившая революцию, не могла предположить вариантов и уж тем более последствий ее развития, но они наполнили революцию русскостью, неповторимостью русской культуры и русского характера: «Коммунистическая революция была оригинально русской, но чуда рождения новой жизни не произошло, ветхий Адам, остался и продолжает действовать, лишь трансформируя себя» [там же, 358].

Западный подход, который уже проанализировал результаты, прежде всего французской революции, совершенно не применим к пониманию русской революции. Она наполнена типично русскими чертами, которые непознаваемы и эмоционально окрашены, они пронизаны верой и потому: «Совершенно бесплодны рационалистические и моралистические суждения о революции, так же, как и о войне, которая во многом походит на революцию. Революция иррациональна, она свидетельствует о господстве иррациональных сил в истории» [там же, 352]. «Три точки зрения возможны на революцию: 1) Революционная и контрреволюционная, т.е. людей активно в ней участвующих, 2) Объективно-историческая, научная, т.е. людей познавательно созерцающих, но в ней не участвующих, и 3) Религиозно-апокалиптическая и историософическая точка зрения. т. е. людей, принявших внутрь себя революцию, е мучительно переживших и возвышающихся над ее повседневной борьбой» [там же, 359]

Н.А. Бердяев отмечает, что революционеры и контрреволюционеры не понимают целей и смысла революции, революционеры смотрят в будущее, а контрреволюционеры в прошлое и потому не понимают настоящего. Историки видят несущественные причины революции. Историософия понимает революцию как религиозный процесс и видит в нем «апокалипсис истории». Мыслитель не и столько анализирует политические, социальные истоки – это для него не главная цель в исследованиях, он хочет понять смысл революции, окончательную, последнюю цель для чего революции совершаются в обществе. Он приходит к выводу, что «Революции в христианской истории всегда были судом над историческим христианством, над христианами, над их изменой христианским заветам, над их искажением христианства» [там же, 360]. Смысл революции только христиане способны увидеть.

В итоге мы получили новый тип государства «тип тоталитарного государства, основанного на диктатуре мирозерцания» [там же, 370]. Вместо Третьего Рима у нас появился Третий Интернационал – он тоже основан на вере и стал новой национальной идеей.

Противоположные, и тем интереснее, взгляды на причины революции и ее сущность высказывал И.А. Ильин. Так же, как и Н.А. Бердяев, он описывал революцию в ее развитии, начиная с 1906 года. Он пишет «Брошюры для народа», где анализирует революционный дух русского народа, истоки бунта и его причины, начиная со Стеньки Разина и сразу же переходя к XX веку. Первую причину он увидел в тяжелом положении рабочего и крестьянина, которому мало платят, этот слой людей был отдален от политики, в этом они увидел несправедливость

своего положения, но сделать ничего не могли. Отчужденность рабочих не только экономическая, но еще и политическая стала роковым фактором роста революционности в русском народе. Рабочий класс и крестьянство осознали необходимость институционального переустройства государства: создания парламента, партий и организаций. В 1917 году он продолжает писать «Брошюры для народа», в которых он страстно призывает осознанному участию в политической жизни и выборах в Учредительное собрание. Он говорит о необходимости всеобщего голосования. В революции для Н.А. Бердяева главным стало изменение культуры, духа, характера и менталитета русского человека, а для И.А. Ильина революция меняет, прежде всего, политическое устройство. К революции приводит воля: пассивная или активная «у нуждающихся слоев народа должна быть активная, боевая воля произвести переворот и добиться необходимых реформ; у других классов, и особенно в армии, должна быть, по крайней мере, пассивная, попускающая воля, согласие не мешает переворота» [Ильин, 1995, 101]. Наличие воли не решающий момент для Ильина, он как было ранее сказано акцент делает на политическом и институциональном формировании революционных процессов. Революция начинается тогда, когда несправедливость и неравенство невозможно преодолеть законным способом. Революционные изменения – аномалия, неестественное состояние общества, это крайняя форма выражения протестов, экстраординарный способ выражения требований своих интересов и потому, как пишет Ильин: «Революция есть всегда временный общественный беспорядок, который начинается и производится ради прорывов к новому справедливому общественному порядку» [Ильин, 1995, 102].

Естественное, нормальное состояние государства противоположно насильственному, революционному, оно тяготеет к законотворчеству и поиску компромиссов: «Народы, в целом, всегда инстинктивно тяготеют к порядку и правопорядку настолько, что иногда годами и десятилетиями предпочитает дурной порядок – беспорядку» [там же, 102]. Таким образом, революция – это, как у Бердяева, исключительное событие, но здесь нет религиозных мотивов. Война только оформила волевое начало и приблизила революцию, и можно сказать, что Ильин положительно оценивает революцию, как временную ситуацию восстановления порядка.

Коммунисты не смогут осуществить задуманное и изложенное в Брошюрах... Ильиным, он считает, что они лишают революцию смысла, не приводят к установлению правопорядка, разжигают ненависть внутри народа и приближают гражданскую войну и только дезорганизуют государственные основы России. Завершает свою мысль словами: «Судьба России ныне зависит от того, найдется ли у ее граждан достаточно воли к порядку и достаточно умения для организации ее внутренней жизни» [там же, 136]. Позже в «Крушении России» он уже не будет так снисходителен к русскому народу, и он поймет, что простодушное отношение к народу как к слою, способному политически самоорганизоваться. «Русский народ, спаиваемый дурманом должно понятой «свободы», пьянел от обещаний и призывов, от собственной жадности и провокаторского попустительства» [там же, 101]. Он это понимает и пишет, что народ органически не способен к народному представительству в органах власти.

С.Н. Булгаков, анализируя сущность революции пишет в статье о Достоевском он сетовал на то, что никто не услышал предсмертного призыва Достоевского о доверии между царем и народом, напротив царь отгородился от народа чиновничеством. По мнению Булгакова, для Ф.М. Достоевского «революция плод своеволия и беспочвенности, вместе с тем, злоумышление против народа, желание его скрутить и опекать в духе европеизма» [Булгаков, 2010, 211]. Как и Бердяев он находит, что духовная субстанциональная основа русской революции нигилистична: «Эксцессы эти, которые мы не ставим, конечно, на счет идей политического освобождения России, показывают, что именно в духовном ее обиходе многое неладно» [там же, 212]. Эксцессами С.Н. Булгаков называет поразительные для него явления массового террора,

который он сравнивает с охотой за куропатками, грабежи, политические распри и ощущение вседозволенности.

При этом он понимал, что стал свидетелем грандиозного события, изменившего российскую действительность, но в русской революции нет «положительного идеала», социализм, как и вся литература – это перевод с французского или немецкого, тем самым он хотел сказать о вторичности идей русской революции и эти идеи, если есть, то они не наполнены содержанием. Революционеры не осмыслили идеи, они начали их осуществлять с жестокостью и настойчивостью, забывая об их истинном смысле. В русской революции нет абсолютных ценностей, по мнению философа, «заменяя их вульгаризированным человекобожеством в крайней форме духовного хулиганства». С.Н. Булгаков считает, что Достоевский не смог предвидеть губительной роли самодержавия и чиновничества в революции. «Столкновением этих двух духовных сил - бюрократического нигилизма, цепляющегося за исторические традиции и народные верования, и революционного нигилизма, перемешанного с бессознательным христианством, и определяется историческая трагедия русского народа и решается его судьба» [там же, 215].

Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков видели корни революции в нигилизме, отрыве от истинных, религиозных ценностей русского общества, С.Л. Франк считал, что революционная идеология рождалась из народничества и впоследствии приняло формы революционного социализма. Любая идея рождается из поиска счастья, мы исходим из некоторого социального оптимизма, как в эпоху Просвещения это было в философии Руссо. Это попытка механически и рационально устроить внутренний мир человека при помощи изменения внешнего мира. Особенностью социалистов становится не стремление к счастью конкретного человека, это нежелание преобразить внутренний мир, это идея, которую необходимо несмотря ни на что воплотить в бытии, в общество. В таком понимании счастья не существует этики, ценностей или закона, здесь реальна и самодавлеющая только цель изменений. Социалист «в своих современниках он видит лишь, с одной стороны, жертвы мирового зла, искоренить которое он мечтает, и с другой стороны – виновников этого зла. Первых он жалеет, но помочь им непосредственно не может, так как его деятельность должна принести пользу лишь их отдаленным потомкам; поэтому в его отношении к ним нет никакого действенного аффектов; последних он ненавидит борьбе с ними видит ближайшую задачу своей деятельности основное средство к осуществлению своего идеала» [Октябрь 1917, 2009, 93]. Разрушение и революция становятся для социалистов единственным способом изменения мира, но и важнейшим аспектом творчества, они начинают подменять понятия революционности и творчества. Это явление очень похоже на пример, который приводит Н.А. Бердяев о молодом советском человеке, приехавшем во Францию и отметившем, что здесь не существует свободы. Когда ему заметили, что Франция – это страна свободы, то он пояснил, что здесь нельзя построить нового человека и новое общество – именно так он видел свободу, а во Франции он нашел уже сложившиеся институты и способы общения, сложившийся тип человека, который не подлежал радикальному переосмыслению и смене культурных ориентиров. Культура, и основанное на ней общество, для революционера представляется простым, даже если сложно оформлено структурно или иерархично явлением, механическим целым, в таком случае отмечает С.Л. Франк, есть только два способа изменения: разрушение «вредных форм» и перераспределение оставшихся.

С.Л. Франк, как и Н.А. Бердяев, видит влияние войны на характер революционности в России, но он разделяет феномен войны на две смысловые составляющие: «Внешняя война бывает нужна для обеспечения свободы и успешности национальной жизни, но общество погибает, когда война мешает ему заниматься производительным трудом; внутренняя война –

революция – может всегда быть лишь временно необходимым злом, но не может без вреда для общества долго препятствовать социальному сотрудничеству; литература, искусства, наука, религия вырождаются, когда в них борьба с чужими взглядами вытесняет самостоятельное творчество новых идей; нравственность гибнет, когда отрицательные силы порицания, осуждения, негодования начинают преобладать в моральной жизни над положительными мотивами любви, одобрения, признания» [там же, 97].

Поэтому даже политические партии у нас отличались не по взглядам, а по уровню отрицания или принятия прошлого. Окончательно губительная функция революционности оформится в философии С.Л. Франка в работе «Крушение кумиров», где он напишет о прельщении кумиром революционности, который был должен служить защите, освобождению и искуплению жертвы, которую якобы нес народ долгие столетия. Кумир революции стал частью русского характера и С.Л. Франк, говоря о нем, опасается, что ниспровержение этого кумира неизбежно повлечет за собой крах духовности и разочарование в революции. Он верно увидел, что контрреволюционность или вытеснение из культуры феноменов революционности будет только началом политической, экономической, но прежде всего духовной, культурной катастрофы, так как освободятся в духовной культуре лакуны, которые ничем не заполнены. Он вдел начало этого процесса и с горечью писал «былой жар, былые восторги испарились» и не радуется развитию техники.

В ряду русских мыслителей, осмысливавших русскую революцию, стоит Г.П. Федотов. Он состоялся как философ и публицист уже в эмиграции. Революция в России – это социальная революция, для Федотова социальный фактор самый важный, для Бердяева и Франка – духовный, при этом Бердяев видел в революции проявление цивилизационно-духовных сил, Франк только психологически-духовных, Ильин – политических.

Революция – это неотвратимый процесс, Россия неотвратимо «должна была перестраиваться: из дворянской в крестьянско-купеческую» [Федотов, 1991, 168]. Причину этой неизбежности он видел в контрреформах Александра III, нерешенные вопросы революции 1905 года, в которой был растрочен «моральный капитал революции» и незаконченная реформа Столыпина. Николай не увидел гения Витте и предал и его и Столыпина. «Вся Россия – с ужасом или захлебываясь от удовольствия – переживала годы распутии ады» [там же, 171]. Революции и февральская, и октябрьская произошли из-за нежелания продолжать войну. Разница в них была в том, что в феврале говорили о долге, жертвенности, свободе, патриотизме, а в октябре о грабежах и мести. Октябрьская революция всколыхнула самые низменные ценности в русский культуре и русском народе.

Федотов полон оптимизма, он пишет о возрождении идеалов февральской революции, о появлении нового человека с ценностями Февраля. «Новый Февраль будет тверже, суровее. Никто не сможет упрекнуть его в толстовском непротивленчестве. Но, обнажая меч власти для обуздания зла, он не забудет, что этот меч поднят в конечном счете для защиты человека и стоящей над ним правды» [там же, 136].

Подводя итог, можно сказать, что творцом и инициатором революции стала литературная интеллигенция, а впоследствии она стала подчиняться революции. Интеллигенция в начале XX века сформировалась как внесловная, внеклассовая общность, которая, по словам А.Ф. Лосева, должна была быть призвана блюсти благоденствие и «переделять несовершенства мира». Д.С. Мережковский в «Грядущем Хаме» определял силу интеллигенции не в уме, а в сердце и совести, Оксфордский словарь определил интеллигенцию как часть народа со стремлением к независимому мышлению стал «общественный слой людей, профессионально занимающийся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом и развитием, и распространением культуры» по определению Большой советской энциклопедии и

Социологического энциклопедического словаря.

Брюсов, Мережковский, Белый возлагали на революцию особые надежды, они верили, что наряду с разрушительными силами революции, которые очевидно проявляются ярче и первичнее в любой революции, возникнут и созидательные силы, и будет построено новое общество, новое государство, человек станет свободным и будет рождено «новое религиозное сознание». Профессор Готье в работе «Мои заметки» утверждал, что революция выше России, нельзя одновременно вести войну и участвовать в революционном движении, поэтому надо выйти из войны. Есенин был всецело на стороне революции, Маяковский говорил: «Моя революция».

А. Устрялов при всей неоднозначности его роли и в истории, и философском наследии верно уловил итоги революции и описал их в статье «В рождественскую ночь» «Нужно пройти через большевизм. Нужно испытать все искушения этой тяжелой кары. Хаос в душе народа должен быть изжит, преодолен. Но интеллигенция должна почувствовать нравственную ответственность за случившееся, за разрушение русского государства, ибо большевистская власть не с неба слетела, а органически из жизни выросла, а Ленин и Троцкий – подлинные русские интеллигенты. Да, их программа – бред, но ведь нужно же признать, что это бред больной родины, больной России» [Устрялов, 1917]. 19 января 1918 года Блок напишет статью «Интеллигенция и революция», где призовет интеллигенцию «Всем телом, всем сердцем, всем сознанием – слушайте Революцию» и спрашивал: зачем жить тома народу или человеку, который разуверился во всем? «Революция ломает старую систему институтов отчуждения и знаменуется кратковременным торжеством отношений непосредственного социального творчества истории, новых общественных отношений самими массами». К. Маркс считал революции локомотивом истории, В.И. Ленин называл революции праздником угнетенных, а философ Х. Арндт вообще отрицает все трактовки революции как политического явления: они показывают мимолетную возможность реализации свободы.

Заключение

Революция – это, безусловно, наше прошлое, но прошлое не забытое и понятое, а открытое, которое надо изучить и с точки зрения фактологии, и с точки зрения морального и с позиций влияния на формирование современного человека в постсоветском мире.

Библиография

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Сварог и К, 1997. 415 с.
2. Булгаков С.Н. Очерк о Достоевском. Чрез четверть века (1881 –1906) // Тихие думы. М.: Республика, 1996. 509 с.
3. Иваненко А.И. Хаос и революция (Пролегомены к онтологии революции) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. 2010. №2 (12). С.54-61.
4. Ильин И.А. Брошюры для народа // Родина и мы. Смоленск: Посох, 1995. 512 с.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т 11. С 103.
6. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1820 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Т.7. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t07.pdf>
7. Милоков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. 767 с.
8. Октябрь 1917: Вызовы для XXI века. М.: ЛЕНАНД, 2009. 384 с.
9. Устрялов Н.В. В рождественскую ночь // Утро России. 25 декабря 1917 г.
10. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., София, 1991. Т.1. 352 с. Т. 2. 352 с.
11. Франк С.Л. Этика нигилизма // Сочинения. М.: Правда, 1990. 607 с.

Reception of the Russian Revolution: Cultural Challenges of Russian Civilization

Tat'yana N. Seregina

PhD in Philosophy,
Associate Professor,
Financial University under the Government of the Russian Federation
125993, 51 Leningradskii av., Moscow, Russian Federation;
e-mail: Seregina.tatiana@gmail.com

Abstract

The article deals with the problems associated with understanding the phenomenon of revolution in society. Historical and philosophical analysis made it possible to reveal the features and consequences of the revolution as a phenomenon and influence on the development of society and its social strata, as well as the transformation of the value bases of society. The comparative analysis of this problem, based on the results of sociological surveys, shows the influence of the revolution of the early twentieth century on the development of Russian society. It is shown that the fundamental changes that took place at the beginning of the century changed the social, political and value organization, which proves the urgency of studying the phenomenon of the Russian revolution. The current socio-cultural situation is a continuation of the events of the beginning of the twentieth century, but the historical and political situation is such that processes are outlined that are characterized by an indifferent attitude to the events and political figures of that period. The revolution as an event and phenomenon remains unexplored, and its influence on the present is unclear, both in the cultural-value, and in the socio-political sense. The revolution is, of course, our past, but the past is not forgotten and understood, but open, which must be studied both from the point of view of facts, both from the moral point of view and from the position of influence on the formation of modern man in the post-Soviet world.

For citation

Seregina T.N. (2017) Retseptsiya russkoi revolyutsii: kul'turnye vyzovy rossiiskoi tsivilizatsii [Reception of the Russian Revolution: Cultural Challenges of Russian Civilization]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 6(5A), pp. 104-115.

Keywords

Value, culture, revolution, intelligentsia, society, personality.

References

1. Berdyaev N.A. (1997) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Svarog i K Publ.
2. Bulgakov S.N. (1996) Ocherk o Dostoevskom. Chrez chetvert' veka (1881 –1906) [Essay on Dostoevsky. A quarter of a century (1881 -1906)]. In: *Tikhie dumy* [Quiet thoughts]. Moscow: Respublika Publ.
3. Fedotov G.P. (1991) *Sud'ba i grekhi Rossii* [Fate and sins of Russia]. St. Petersburg: Sofiya Publ. Vols. 1, 2.
4. Frank S.L. (1990) Etika nigilizma [Ethics of nihilism]. In: *Sochineniya* [Works]. Moscow: Pravda Publ.

5. Il'in I.A. (1995) Broshyury dlya naroda [Brochures for the people]. In: *Rodina i my* [Motherland and us]. Smolensk: Posokh Publ.
6. Ivanenko A.I. (2010) Khaos i revolyutsiya (Prolegomeny k ontologii revolyutsii) [Chaos and revolution (Prolegomena to the ontology of the revolution)]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya* [Bulletin of Volgograd State University. Series 7. Philosophy], 2 (12), pp. 54-61.
7. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii* [Full collection of works]. Vol 11.
8. Marks K. Klassovaya bor'ba vo Frantsii s 1848 po 1820 g. [Class struggle in France from 1848 to 1820]. In: Marks K., Engel's F. *Sobranie sochinenii* [Collected Works]. Vol. 7. Available at: <https://www.marxists.org/russkij/marx/cw/t07.pdf> [Accessed 02.02.2017]
9. Milyukov P.N. (2001) *Istoriya vtoroi russkoi revolyutsii* [The history of the second Russian revolution]. Moscow: ROSSPEN Publ.
10. (2009) *Oktyabr' 1917: Vyzovy dlya XXI veka* [October 1917: Challenges for the 21st Century]. Moscow: LENAND Publ.
11. Ustryalov N.V. (1917) V rozhdestvenskuyu noch' [On Christmas Eve]. *Utro Rossii* [Morning of Russia].